

В. С. Аксенов

Реконструкция костюма аланских женщин по археологическим материалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхний Салтов

Костюм любого человека представляет собой своеобразную систему, состоящую из одежды, головного убора и обуви, отражающих его утилитарную функцию, и убранства (аппликаций, вышивок, нашивок, украшений, амулетов и т. п.), которое превращают утилитарный комплекс в образно-семантическую систему [1, с. 46–47]. При этом, как свидетельствуют данные этнологии, именно набор личных украшений выступает зримым знаком-символом этнического, половозрастного, социального, экономического положения человека в обществе [2, с. 5, 6].

Выполненные мастерами для конкретных людей согласно определенной моде, в соответствии с народными традициями, наборы личные украшения, найденные в катакомбных погребениях салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца могут дать представление о костюме разных социально-имущественных групп аланского населения. Что же касается собственно плечевой одежды, то у аланского населения VIII–IX вв. она довольно четко разделялась на мужскую и женскую вне зависимости от возраста, тогда как исподнее и обувь были относительно единообразны [1, с. 84; 3, с. 87, 88]. При этом «главные черты каждого вида одежды повторялись, независимо от имущественного статуса их владельцев — будь то крытый драгоценным шелком костюм вождя или залатанное «рубище» из мешковины [3, с. 88]. Одежда аланского населения достаточно хорошо изучена, как благодаря находкам хорошо сохранившихся экземпляров в ряде памятников VIII–IX вв. Северного Кавказа [4; 5; 6], так и по этнографическим коллекциям [7], и на основании изобразительных источников [1, с. 90]. Это существенно облегчает реконструкцию костюма женщин аланского населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Для реконструкции нами использованы материалы, полученные в результате исследований Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (ВСМ-IV).

В качестве своеобразного эталона нами будет использован набор украшений из богатого погребения женщины 20–25 лет, совершенного в катакомбе № 119 ВСМ-IV [8, с. 291–296, рис. 3: 1, 4, 5, 6]. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с максимально полным набором украшений и оберегов женщины матери. Это погребение отличает и тот факт, что в отличие от большинства захоронений ВСМ-IV оно не подверглось преднамеренному разрушению, совершенному в действии, поэтому детали убора сохранились на местах своего первоначального расположения.

Как свидетельствуют материалы Северного Кавказа VIII–XI вв. женская плечевая одежда состояла из платья туникообразного покроя с перегибом по плечам. Рукав под прямым углом пришивался к стану. Он сужался к запястью, а его длина превышала длину руки. Платье имело горловину округлой формы, которая обшивалась

© В. С. Аксенов, 2017

тканью, и могла быть декорирована металлическими бляшками. Застегивалось платье на левом плече. При этом пуговка располагалась сверху, а петелька — снизу. В районе плеч, у горловины пришивались петли, в которые закреплялись концы ожерелья [1, прилож. I, рис. 20–21; 4, с. 43, схема 66].

Фиксация находок на костяке женщины в катакомбе № 119 ВСМ-IV показала, что диски из раковин морского моллюска располагались чуть ниже ключиц, на обеих сторонах грудной клетки. Под дисками были зафиксированы по одной бронзовой проволоочной спиралевидной пронизи. Именно эти диски с бронзовыми спиралевидными пронизями маркируют концы ожерелья, которое, которое как нам представляется, было вдето в пришитые на платье петли (рис. 1: 6). Расположение таких дисков из створок морских раковин на концах ожерелья неоднократно фиксировалось в захоронениях северокавказских алан VIII—IX вв. (Мощевая Балка, Нижний Архыз) [1, с. 117, Прилож. I, рис. 46]. В районе груди женщины из погребения № 119, между дисками, было зафиксированы остатки не менее трех низок бус, в состав одной из которых входили три арабские монеты, превращенные в подвески с помощью приклепанных к ним бронзовых пластинчатых петелек (рис. 1: 7). Ожерелье состояло из 164 бусин, среди которых были представлены бусы из горного хрусталя (5 экз.), сердолика (29 экз.), янтаря (4 экз.), роговика (21 экз.), коралла (10 экз.), лазурита (8 экз.), из одноцветного (64 экз.) и многоцветного стекла (23 экз.) [8, рис. 5: 1–34]. Еще семь монет, превращенные в подвески, располагались выше основного массива бус, образуя полукруг (рис. 1: 5). Вероятно, данные подвески были пришиты по горловине платья. Под ожерельем, в районе левого плеча женщины были зафиксированы две бронзовые пуговицы (рис. 1: 3, 4), на которые и было застегнуто платье. Дополняла убранство шеи и верхней части груди женщины бронзовая проволоочная гривна, сделанная из крученного прямоугольного в сечении дрота [8, с. 293, рис. 4: 10].

Как свидетельствуют северокавказские материалы к петлям на одежде женщин, расположенным в верхней части груди, на цепочках или кожаных шнурках (сухожилиях) могли подвешиваться различные подвески-амулеты или аксессуары (туалетные ложечки, ногтечистки и т. п.) [1, с. 123; 3, с. 95; 9, с. 111]. В погребении № 119 в петли на платье женщины, расположенные под раковинами, на тонких кожаных шнурках, вероятно, были подвешены бронзовых спиралевидных пронизей и несколько бусин. Пронизи и бусы располагались в виде вертикальных цепочек на нижних ребрах по обе стороны от позвоночного столба. Шнурок, идущий от левого плеча заканчивался семью пронизями, тремя трех бисеринами синего цвета, двумя бусинами из роговика и еще одной бисериной синего цвета. Правый шнурок был украшен шестью проволоочными пронизями, двумя бисеринами синего цвета, одной бусиной из роговика, одной плитчатой бусину прямоугольной формы синего цвета и ребристой бусиной из стекла синего цвета [8, с. 296, рис. 5: 36–41].

Специалисты по средневековому аланскому костюму отмечают, что верхняя женская одежда некогда не подпоясывалась, о чем свидетельствуют отсутствие поясных наборов, поясных пряжек в женских погребениях Северного Кавказа, хотя и есть исключения из общего правила [1, с. 104]. Именно отсутствие пояса в женском костюме, по мнению З. В. Доде, демонстрирует противоположные функции в обществе женщин и мужчин, для которых пояс был обязательным атрибутом одежды [1, с. 177]. Однако, фиксация предметов в районе пояса и на тазовых костях женщины в катакомбе № 119 ВСМ-IV демонстрирует, что некоторые салтовские женщины, по-видимому, подпоясывали свою одежду. Однако, в их поясном ремне, возможно, не предполагалось использование металлических деталей поясной гарнитуры (пряжек, наконечников и т. п.), наличие которых было атрибутом мужского пояса. Так, в районе пояса и на костях таза женщины из катакомбы № 119 были зафиксированы семь бронзовых литых бубенчика (рис. 1: 8), два бронзовых амулета в виде грифона (рис. 1: 9), шесть бронзовых амулетов в виде всадника на грифоне (рис. 1: 10), бронзовая штампованная туалетная коробочка плохой сохранности, бронзовая копоушка (рис. 1: 13), бронзовый амулет в виде когтя животного (рис. 1:

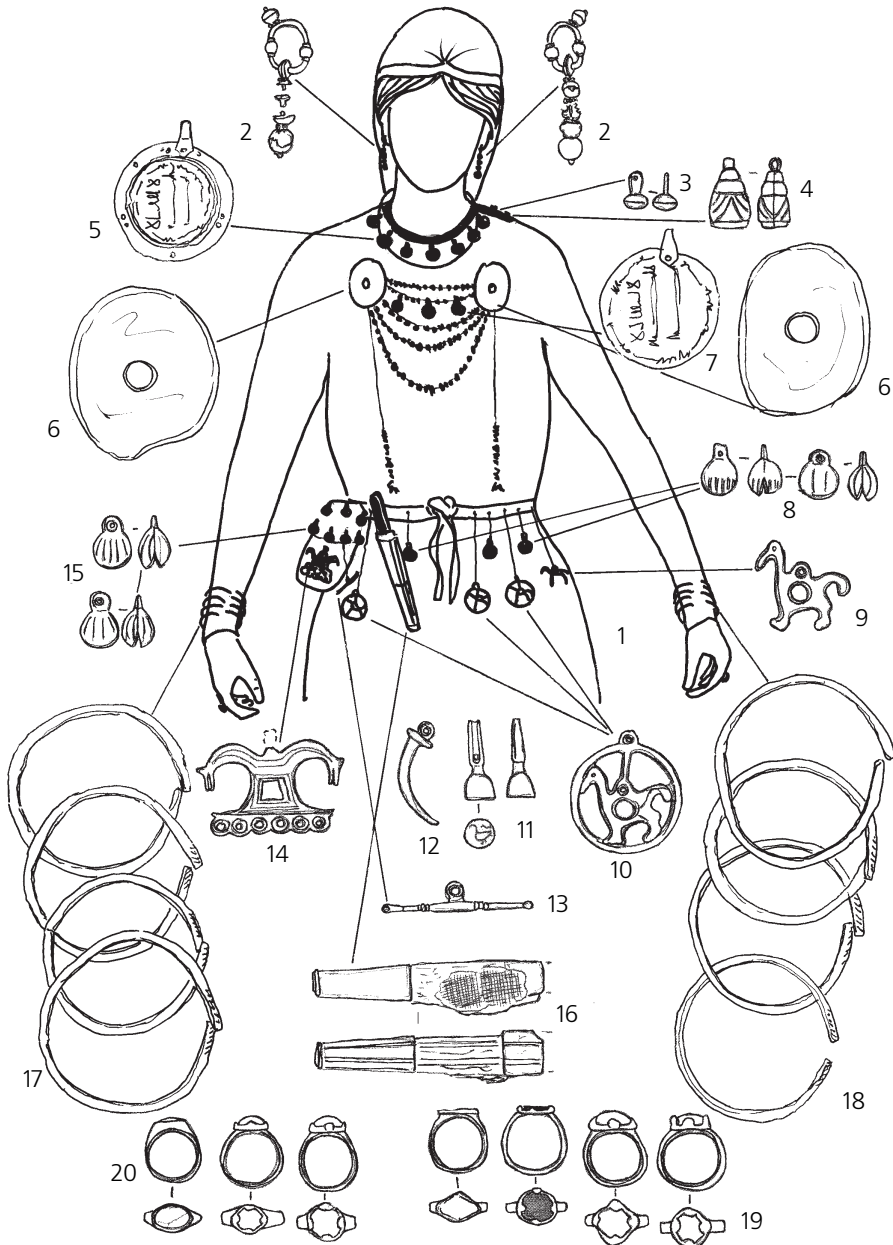

Рис. 1. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 119 (погр. № 2) ВСМ-IV:

1 – реконструкция убора, 2 – серьги, 3 – пуговицы литая, 4 – пуговицы штампованная, 5, 7 – монета, превращенная в подвеску, 6 – диск из створки раковины морского моллюска, 8, 15 – бубенчики литые, 9 – подвеска в виде грифона, 10 – подвеска «грифон в круге», 11 – подвеска-печатка, 12 – амулет в виде когтя, 13 – копоушка, 14 – коньковая подвеска, 16 – набор ножей, 17, 18 – браслеты проволочные, 19, 20 – перстни

Fig. 1. Reconstruction of the headdress women from the catacombs of № 119 (burial № 2) VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, 2 – earrings, 3–4 – cast, buttons - buttons pressed, 5, 7 – coin, transformed into a suspension, 6 – disc from the sash shell clam, 8, 15 – bubenchiki cast, 9 – pendant in the form of a griffin, 10 – suspension «griffin in the circle», 11 – suspension-signet, 12 – amulet in the form of a claw, 13 – coouch, 14 – ridge suspension, 16 – knife set, 17, 18 – wire bracelets, 19, 20 – rings

И
Б
Г
П
Т
С

12), бронзовая подвеска-печатка с изображением утки (рис. 1: 11), двуконьковая подвеска финно-угорского типа (рис. 1: 14). При этом туалетная коробочка, амулет в виде когтя животного, подвеска-печатка располагались вместе, вероятно, в какой-то мешочке, который был украшен семью бронзовыми литыми бубенчиками (рис. 1: 15), четырьмя бирюзиными синего цвета, одной бусиной голубого цвета с металлической прокладкой, плитчатой бусиной прямоугольной формы из стекла синего цвета, тремя бусинами из роговика и двумя стеклянными бусинами с многоцветным орнаментом [8, рис. 5: 42–46]. Сверху этого мешочка были зафиксированы коньковая подвеска финно-угорского типа и копоушка. Все эти вещи располагались в верхней части правой безымянной тазовой кости женщины. Рядом находился пакет из трех ножей в деревянных ножнах, скрепленных серебряными пластинчатыми оковками (рис. 1: 16). По-видимому, и сумочка с амулетами, и ножи были подвешены к поясу. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с поясом, сделанным без использования металлических пряжек и наконечников. Именно к поясу были подвешены сумочка, набор ножей и большое количество металлических амулетов. В таком виде он имеет сходство со «жреческим поясом», обнаруженным в одной из скальных катакомб VII—VIII вв. могильника у с. Хасаут в восточной части Карачаево-Черкесии [10, с. 297, рис. 67].

Убор женщины из катакомбы № 119 ВСМ-IV дополняли бронзовые проволочные браслеты — по четыре — на каждой руке и перстни (рис. 1: 17, 18). На пальцах правой руки были зафиксированы три перстня, еще четыре перстня были надеты на пальцах левой руки женщины (рис. 1: 19, 20).

Сохранность материала не позволяет что-либо сказать о головной уборе женщины. Судя по ее возрасту (20–25 лет), можно предположить, что на голове ее присутствовал головной убор в виде шапочки с наконечником, полностью скрывающий волосы. Наличие такого головного убора отличало женщину-мать от девочки, молодой девушки и женщины до рождения ребенка [1, с. 106–107, 111 Прилож. I, рис. 31–34; 4, с. 8, 63, рис. 5, 6]. Присутствие в катакомбе № 119 костяка ребенка 4–5 лет, помещенного в погребальную камеру позже умершей женщины, позволяет допустить их родственную связь (мать — ребенок). Единственными в нашем случае украшениями головы женщины были серебряные серьги со сложносоставными привесками, располагавшие по обе стороны от черепа в районе ушей (рис. 1: 2).

Сложно что-либо сказать и об обуви погребенной женщины, ибо кости ступней ее обеих ног в камере отсутствовали. Однако, обнаруженные в камере рядом с костяком женщины серебряная мелкая бляшка и наконечник ремешка [8, рис. 7: 40, 41], позволяют предположить, что женщина была обута в невысокие чупяки, возможно, с воронкообразной верхней частью [1, с. 96], которая закреплялась в районе щиколотки ремешком с серебряными деталями. Находки мелких серебряных бляшек на костях ступней ног в катакомбах Верхнего Салтова — явление достаточно распространенное [11, с. 200, рис. 3: 20, 21; рис. 4: 35–37; с. 204, рис. 7: 10–12; 12, с. 245, 247, рис. 3: 10, 11, 32–34].

Таким образом, набор украшений из катакомбы № 119 позволяет реконструировать убор женщины репродукционного возраста, принадлежавшей к социально-имущественной верхушке аланского общества (рис. 1: 1). Украшения, выполнявшие и роль амулетов-оберегов, были размещены в двух наиболее значимых местах — в районе шеи — груди и в районе пояса — живота. Основным украшением района груди женщины была ожерелье из стеклянных и каменных бус, подвешенное на петлях, сделанных в районе плеч у горловины платья. Петли, к которым подвешивалось ожерелье, были прикрыты крупными пряжками-пуговицами из створок морских моллюсков. К этим же петлям было подвешено по одному шнурку, которые свисали вниз и заканчивались бронзовыми пронизиями с несколькими бусинами. Платье женщины было подпоясано поясом, к которому был подвешен набор из разнообразных амулетов, сумочка с аксессуарами и набор из ножей. На руках женщины находились съемные украшения — браслеты и перстни. Присутствие при данной женщине шейной гривны и десяти серебряных монет, превращенных в подвески, только подчеркивает не рядовой характер всего костюма [8, с. 302].

У представительниц рядового населения набор украшений был в целом подобен набору из катакомбы № 119, но более бедным. Однако, схема их расположения в костюме была аналогичной выше рассмотренной (рис. 2–4).

Так, в катакомбе № 52 (раскопки 2000 г.), содержащий разрушенный костяк взрослой женщины 30–40 лет, был найден набор украшений, состоящий из двух пряжек-пуговиц из раковин моллюсков (рис. 2: 2), серебряной арабской монеты, превращенной в подвеску путем приклепывания петельки (рис. 2: 4), стеклянных и каменных (сердолик, роговик, коралл) бус (57 экз.), бронзовых спиралевидных пронизей, набора из двух ножей в деревянных ножнах с серебряной оковкой (рис. 2: 7), двух бронзовых браслетов (рис. 2: 5, 6) и одного бронзового литого бубенчика (рис. 2: 3) [13, с. 4, табл. IV]. Бубенчик, по-видимому, использовался в качестве пуговицы платья женщины (рис. 2: 1).

На костяке взрослой женщины 20–25 лет, подвергшемся в древности частичному разрушению, из катакомбы № 111 (раскопки 2011 г.) убранство костюма состояла из ожерелья, в состав которого входило три пряжки-пуговицы из раковины (рис. 3: 3), шестьдесят одна бусина (стекло, сердолик, коралл, мел), бронзовые пронизы в виде звездочек из пяти шариков (2 экз.). Вероятно, к петелькам, расположенным у плеч платья на двух шнурках с правой стороны груди были подвешены (рис. 3: 1) бронзовая подвеска-печатка и подвеска-амулет в виде грифона в кругу (рис. 3: 6, 7), в комплекте с бронзовыми спиралевидными пронизями, а на двух шнурках с левой стороны груди — бронзовая ворворка в виде усеченной пирамиды и подвеска-амулет колесовидного типа (рис. 3: 4, 5). Каждую руку женщины украшали два браслета (рис. 3: 9, 10). На костях левой руки был обнаружен перстень со стеклянной вставкой (рис. 3: 8) [14, рис. 4, 2; 15, с. 23–24, рис. 37, 2–31]. Убор женщины дополняли серебряные серьги со сложносоставной привеской (рис. 3: 2).

В погребении молодой девушки 18–20 лет (погр. № 5 катакомба № 30, раскопки 1997 г.) пряжка-пуговица из раковины (рис. 4: 4) была обнаружена чуть выше левой безымянной тазовой кости в комплекте с двумя крупными глазчатыми бусинами (рис. 4: 8, 10), двумя бронзовыми литыми бубенчиками (рис. 4: 5), двумя синими бисеринами (рис. 4: 7), двумя бусинами из роговика (рис. 4: 6, 11), амулетом из когтя хищного животного (рис. 4: 12) и крупной бусиной из халцедона (рис. 4: 9) [16, рис. 1]. Вероятно, все эти вещи просто свисали на шнурках, привязанных непосредственно к петле платья, у левого его плеча (рис. 4: 1). Грудь девушки украшало ожерелье из 96 бусин (стекло, сердолик, роговик, коралл, жемчуг) [16, рис. 2: 5–8, 10–18], и включавшее две бронзовые арабские монеты, превращенные в подвески (рис. 4: 3). На каждой руке девушки было надето по четыре бронзовых проволочных браслета (рис. 4: 15, 16) и по одному серебряному перстню (рис. 4: 13, 14). У черепа девушки были найдены серебряные серьги со сложносоставной привеской (рис. 4: 2), на костях стоп обеих ног — серебряные украшения обувных ремешков (бляшки, наконечники) и фрагменты рамчатых пряжек. Рубашка была подпоясана поясам с подвешенным к нему ножом в деревянных ножнах (рис. 4: 1).

Убор костюма девушки и женщин детородного возраста был направлен за защиту их носителей от воздействия темных/потусторонних сил и одновременно способствовал жизненному благу, символизируя идею плодородия и деторождения. Этому способствовало присутствие в уборе разнообразных стеклянных и каменных бус, бронзовых бубенчиков, когтей и клыков диких животных, которые должны были оберегать человека от воздействия темных/потусторонних сил [17, с. 111, 113–115; 18, с. 92; 19, с. 199–201; 20, с. 11–13, 28–30]. Разнообразные подвески-амулеты (колесовидные, в виде грифона, всадника на грифоне и т. п.) связываются исследователями с солнечным божеством и с идеей плодородия [21, с. 144; 22, с. 40, 82]. Диски из створок морских раковин считались средством, оберегающим человека от болезней [17, 118; 18, с. 92; 20, с. 22–23]. По нашему мнению диски из раковин моллюсков у аланского населения бассейна Севрского Донца были связаны с богиней плодородия [14, с. 65–81]. Только благодаря своей форме (круг) роль своеобразных оберегов выполняли

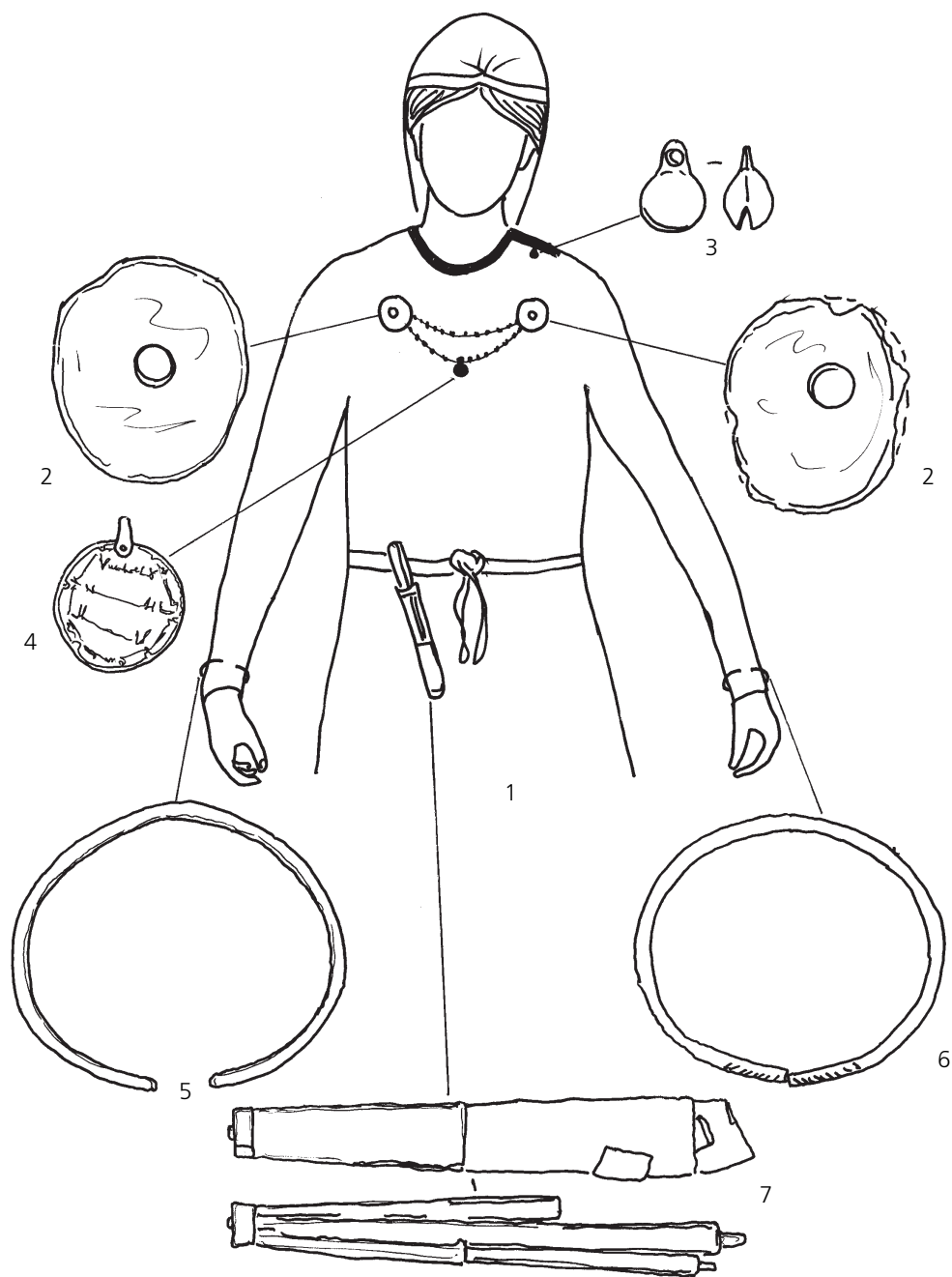

Рис. 2. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 52 BCM-IV:

1 – реконструкция убора, 2 – диск из створки раковины морского моллюска, 3 – бубенчик литой, 4 – монета, превращенная в подвеску, 5, 6 – браслеты проволочные, 7 – набор ножей

Fig. 2. Reconstruction of the headdress women from catacomb № 52 VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, 2 – disc from the sash shell clam, 3 – bell cast, 4 – coin, transformed into a suspension, 5, 6 – wire bracelets-set of knives, 7 – knife set

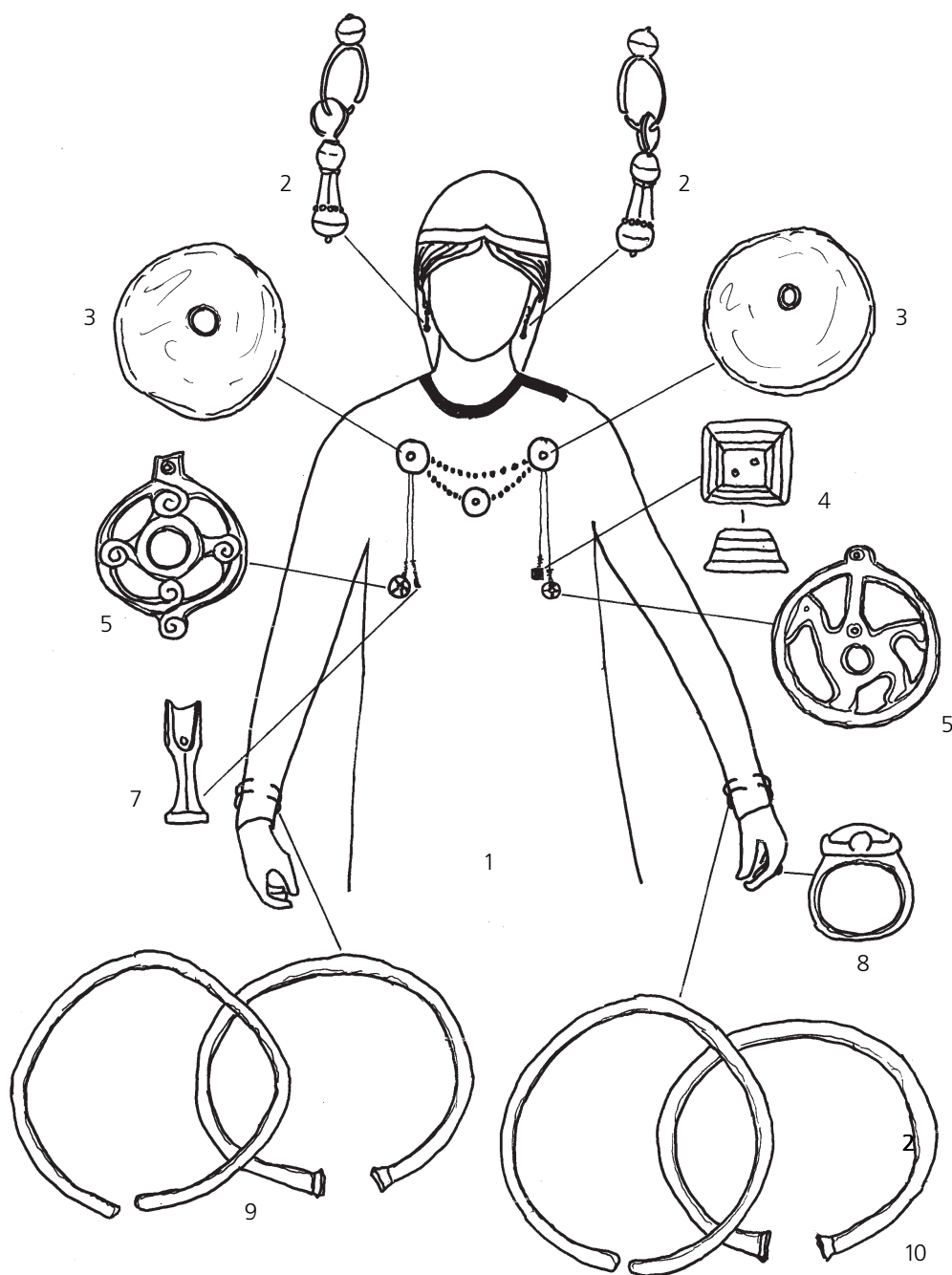

Рис. 3. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 111 (погр. № 2) ВСМ-IV:

1 – реконструкция убора, 2 – серьги, 3 – диск из створки раковины морского моллюска, 4 – ворворка, 5 – подвеска «грифон в круг», 6 – колесовидная подвеска, 7 – подвеска-печатка, 8 – перстень, 9 – браслеты проволочные

Fig. 3. Reconstruction of the headdress women from catacombs N. 111 (burial № 2) VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, 2 – earrings, 3 – disc from the sash shell clam, 4 – vorvorka, 5 – suspension «griffin in a circle», 6 – wheel-like suspension, 7 – suspension-signet, 8 – signet ring, 9 – wire bracelets

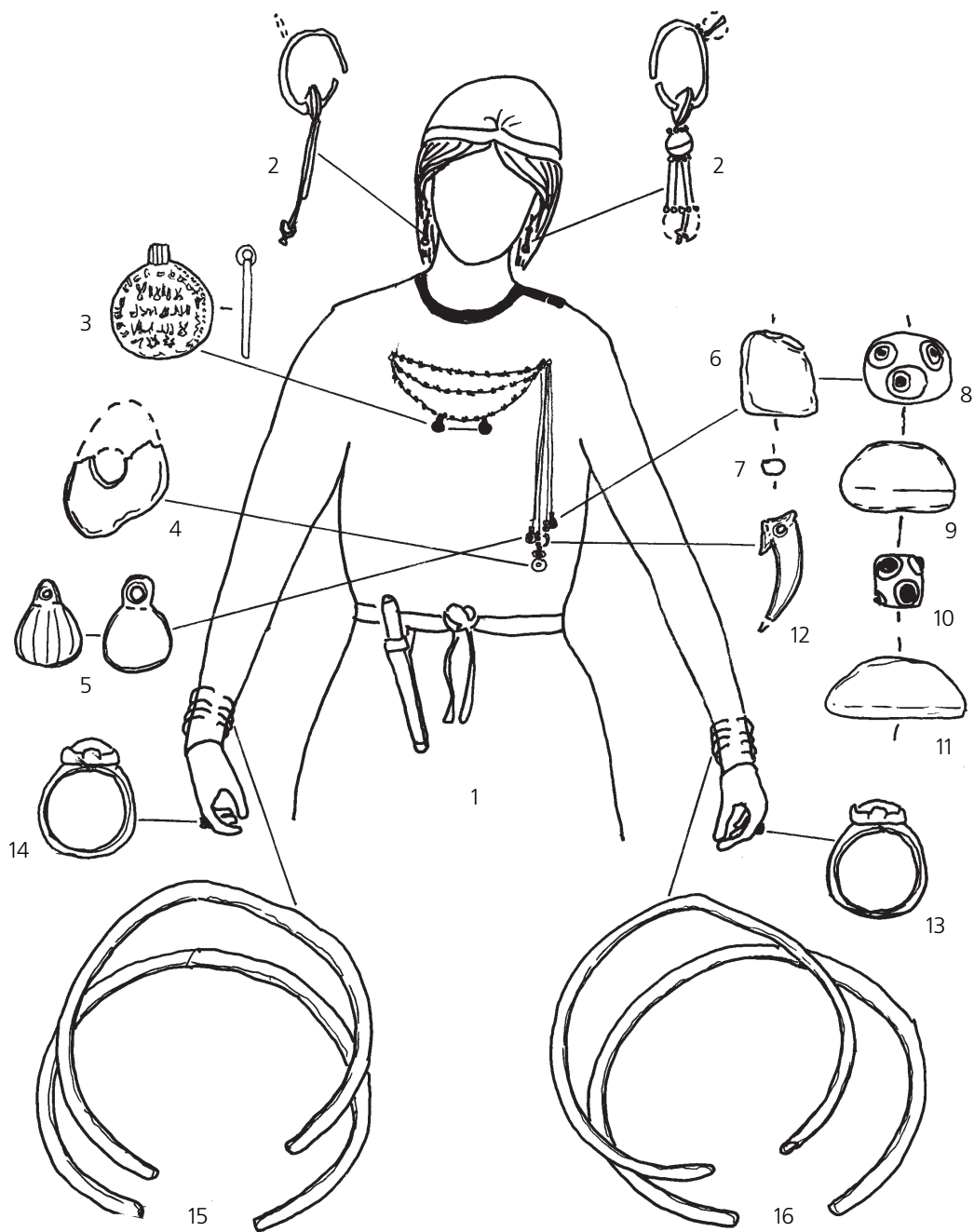

Рис. 4. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 30 (погр. № 5) ВСМ-IV

1 – реконструкция убора, 2 – серьги, 3 – медная монета, превращенная в подвеску, 4 – диск из створки раковины морского моллюска, 5 – бубенчики литые, 6–11 – бусы, 12 – амулет из когтя животного, 13, 14 – перстень, 15, 16 – браслеты проволочные

Fig. 4. Reconstruction of the headdress women from the catacombs of № 30 (burial № 5) VSM-IV

1 – reconstruction of headdress, 2 – earrings, 3 – copper coin, transformed into a suspension, 4 – disc from the sash shell clam, 5 – bubenchiki cast, 6–11 – beads, 12 – amulet of the claw of an animal, 13, 14 – ring, 15, 16 – wire bracelets

браслеты, перстни и кольца на руках женщин [18, с. 90; 20, с. 34–35]. При этом камни в перстнях у некоторых народов осмысливались как всевидящее стерегущее око и наделялись охранительными свойствами [18, с. 91]. Серебряные монеты, используемые в ожерелье, по-видимому, не только свидетельствовали о материальном благополучии женщины и ее семьи, как это было, например, у русов по свидетельству ибн-Фадлана [23, с. 141], но и были призваны обеспечить ее благополучие. Серебро у многих народов мира отождествлялось с белым цветом — одним из универсальных символов культуры, за которым было зачистую закреплено значение жизни («белый свет»), добра, чистоты, неба, женского начала [24, с. 425].

Таким образом, весь набор украшений, присутствующий в костюме аланских женщин должен был оградить их хозяек от воздействия вредоносных сил, заручиться поддержкой светлых высших сил. Присутствие в костюме женщин репродуктивного возраста всех выше упомянутых украшений и амулетов должно было способствовать защите и повышению детородной функции женщин, а также здоровью их детей. Именно этим и объясняется присутствие в костюме аланских женщин и детей большого количества самых разнообразных амулетов и оберегов [25, с. 13, 16; 26, 87, 93–94]. Примечательно, что каждый из рассмотренных оборотов женского костюма является неповторимым в своем роде и типичным для конкретного индивида. При общей структурной схожести каждый из реконструированных вариантов костюма несет свои индивидуальные черты, что обусловлено, по-видимому, разным возрастом носивших их женщин, их разным социальным и имущественным положением в обществе. На богатство и разнообразие убранства костюманесомненно влияло наличие или отсутствием детей у женщины, а также их количество. В целом же характер убора женского костюма из захоронений катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (ВСМ-IV) свидетельствует о принадлежности индивида к конкретной этнической общности — аланам, выходцам из Северо-Западных районов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Доде З. В. Костюм населения Северного Кавказа VII—XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории). — Дис. докт. ист. наук. — М., 2007.
2. Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). — М., 2006.
3. Иерусалимская А. А. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII—IX вв.) // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). — Т. 1. — Самара, 2001.
4. Иерусалимская А. А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. — СПб., 1992.
5. Иерусалимская А. А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. — СПб., 2012.
6. Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. — М., 2001.
7. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв. — М., 1989.
8. Аксенов В. С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности, 2014–2015: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Вып. 13. — Х., 2015.
9. Орфинская О. В. Аланский костюм VIII—IX вв. (по материалам из скальных могильников Карачаево-Черкесии) // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). — Т. 1. — Самара, 2001.
10. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Владикавказ, 1992.
11. Аксенов В. С. К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // Древности, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Вып. 12. — Х., 2013.
12. Аксенов В. С., Лаптев А. А. К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Вып. 8. — Х., 2009.
13. Аксенов В. С. Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника в 2000 г. — Харьков, 2000 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.

14. Аксенов В. С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. — Т. 13. — М., 2015.
15. Аксенов В. С. Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2011 г. — Харьков, 2012 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.
16. Аксенов В. С. Исследования Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности, 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1998.
17. Столба В. Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в глаза у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. — 2009. — № 2.
18. Тохтабаева Ш. Ж. Семантика казахских украшений // СЭ. — 1991. — № 1.
19. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — Т. VIII. — М.; Л., 1949.
20. Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махачкала, 1929.
21. Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура. Alanica, III. — Владикавказ, 1995.
22. Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — М., 2001.
23. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о путешествии его на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. — Х., 1956.
24. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. — М., 2002.
25. Албегова З. Х. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. — М., 1995.
26. Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. — 2001. — № 2.

Резюме

Аксенов В. С. Реконструкція костюму аланських жінок за матеріалами ранньосередньовічного катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів

У роботі надана реконструкція костюму жінок, що мешкали у межах лісостепового варіанту салтово-маяцької культури та належали до аланського етносу. Для реконструкції були залучені матеріали чотирьох найбільш репрезентативних за знахідками та за добрим станом збереження поховальних комплексів Верхньо-Салтівського IV катакомбного могильника (ВСМ-IV). Для більш певного відтворення костюму верхньосалтівських жінок були долучені матеріали з одягу, що походять з могильників VIII–XI ст. Північного Кавказу, де предмети одягу в наслідок природних умов добре збереглися (Мощева Балка, Нижній Архиз). У вбранні костюму жінок репродукційного віку з катакомб ВСМ-IV присутні різноманітні прикраси, частина яких повинна була захищати від дії потойбічних/темних сил, тоді як друга частина — була пов'язана зі світлими силами та з ідеєю плодючості. Реконструйоване вбрання костюму кожної з жінок з катакомб ВСМ-IV несе певні індивідуальні риси, що обумовлено, вірогідно, різним віком жінок, різницею у їх соціальному та майновому становищі, наявністю або відсутністю дітей.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, катакомба, алани, костюм, амулети.

Резюме

Аксенов В. С. Реконструкція костюма аланських жінок по археологічним матеріалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхній Салтов

В роботі пропонується реконструкція костюма жінок, проживавших на території лесостепного варіанта салтово-маяцької культури і належали до аланського

этносу. Для реконструкции были привлечены материалы из четырех наиболее репрезентативных по находкам и хорошо сохранившихся погребальных комплексов Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (кат. № 30, 52, 111, 119). Для достоверности воспроизведения костюма верхнесалтовских женщин были привлечены материалы по одежде и головным уборам, полученные из могильников VIII—XI вв. Северного Кавказа, где предметы одежды в силу природных условий хорошо сохранились (Мощевая Балка, Нижний Архыз). В убранстве костюма женщин репродуктивного возраста из катакомб ВСМ-IV присутствует большое количество разнообразных личных украшений, часть которых должна была охранять человека от воздействия злых/потусторонних сил. Другая часть украшений, являясь символами светлых сил, была связана с идеей плодородия, благоденствия и изобилия, и была направлены на сохранение и приумножение детородной функции молодых женщин. Реконструируемое убранство костюма каждой женщины из катакомб ВСМ-IV, при общей схожести, имеет индивидуальные черты, что обусловлено, по-видимому, их разным возрастом, социальным и имущественным положением, наличием или отсутствием детей.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, катакомба, аланы, костюм, амулеты.

Summary

V. Aksyonov. Reconstruction of Dress of the Alanian Women in Accordance with the Archaeological Materials of the Early Middle-ages Catacombal Cemetery in Verkhonii Saltov Village

This paper proposes reconstruction of dress of women, who lived in the territory of forest-steppe version of the Saltovo-Mayaki culture and belonged to the Alanian ethnos. For the purposes of reconstruction, there were involved materials of four the most representational among the findings and in a good state of preservation burial complexes of the IVth catacombal cemetery in Verkhonii Saltov Village (catacombs number 30, 52, 111, 119). To make the results of the reconstruction of dress of women from Vekhnii Saltov more authentic, the materials regarding the cloths and headdresses were engaged, obtained from the cemetery of the VIII—XI centuries from the Northern Caucasia, where pieces of clothing because of the natural environment withstood the ravages of time (Moshchevayay Balka, Nizhnii Arkhyz). There is a great number of personal accessories in the decoration of the dress for women of the childbearing age from the catacombs VSM-IV. Some of the accessories were designed to protect the owner against the influence of malign/ supernatural forces. The others, being symbols of positive force, associated with the idea of fertility, welfare, and richness, were focused on the preservation and augmentation of reproductive performance of young women. The decoration of the dress, being reconstructed, of every woman from the catacombs VSM-IV, along with similarity, has individual peculiarities, that is, belike, due to different age, social and material position, parental status.

Key words: Saltovo-Mayaki culture, catacomb, Alans, dress, amulets.

